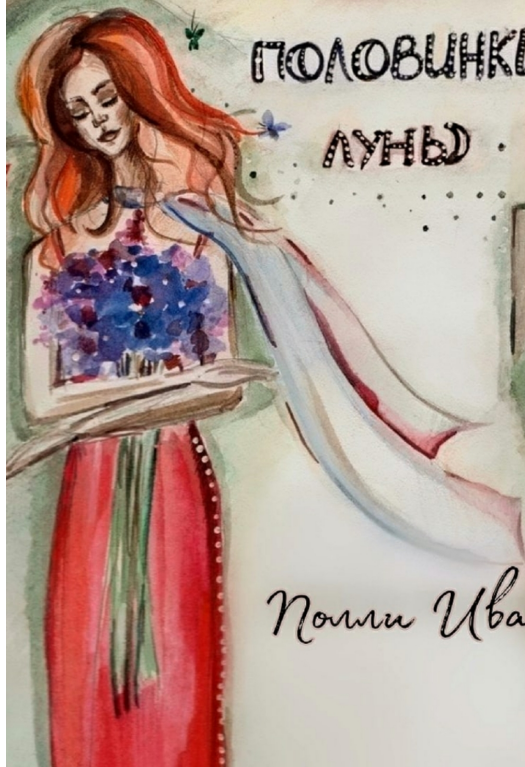

ДВЕ
ПОЛОВИНКИ
ЛУНЫ

Поли Ива

18+

Полли Ива
Две половинки луны.
Там, где сбываются сны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65130316

SelfPub; 2021

Аннотация

Грань между повседневной реальностью и миром сказки, магии и волшебства... Она так тонка. Сегодня ты кутаешься в тёплый осенний шарф, сжигаешь письма и стираешь смс, а завтра – гадаешь по пламени свечи, даришь ему силу семи ветров и варишь приворотное зелье... Две стороны одной тебя. Две половинки луны.

Содержание

Первая половинка	6
Северная сказка	9
Полуденница	10
Змей	12
Касьянов день	14
А он говорит	15
Трын-трава	17
Прости, солнце	19
Ты – мой	20
Ведьмы берут своё	21
Сила семи ветров	23
Я – свеча	25
Хватит, друже	26
Пой, гитара, пой	29
Сильная-слабая	30
Под завесой дождя	31
Ворожи	33
Половинка вторая	35
Сизифов камень	37
Временные пояса	39
Навсегда твоя.	41
Солнечная вязь	43
Sorry, my handsome man	45

Как ты там без меня?	47
Ты не будь мне	49
Режим нон-стоп	51
Трактир	53
Крёстная сила	55
Адамово ребро	56
Я становлюсь Маяковским	58
Тони, мне больно	60
А дальше что?	62
Я из другого теста	63
За плечами	64
По колено	65
Бумажные самолётики	66
Ты больше меня не	68
Я теряю тебя	69
Смешная обычность	70
Распутная недотрога	72
Спасение	73
Клавиши, брют и стол	75
Рерат	77
Смертельный недуг	79
Бабочка-однодневочка	82
Тчк	84
Смешная и пошлая	85
Я не ты	86
Ангелом за плечами	88

Лето – это – тихое – обними – меня	89
Засыпай, я здесь	91
Человек человеку – враг	93
Я буду ждать	94
Детство	95
Тук-тук	97
Vivo per te	98
Седая душа	100
Третий не лишний	103
Снегурочка	104
Сумасшедший	106
Настоящей	108
Ревнуй его	110
Ты – мой дом	113
Латунный крестик	114
Доброе утро	115

Полли Ива

Две половинки луны.

Там, где сбываются сны

Первая половинка И колдуньи хотят любви

Сказки всегда начинаются там, где рождается свет. В старой деревне, в развалинах замка, болоте. Там, где надежды на лучшее тысячи лет нет, и могло бы не быть. Но разложим по нотам.

В темном дремучем лесу, где и куст не скрипит, где царит тишина, оглушая своей немотою... Зазвучал детский крик, разрывающий сердце всхлип, разрушая загадочность леса, его дремоту.

Ветви дуба малютку гладят своей листвой, соловьи ей поют колыбельные, лисы – кормят. А волчица – подругой стала. Девчонке год. И вернулась хозяйка в чашу. Звалась Ягою.

Её поступь – легка, отважна, коса – длинна, ярким светом глаза искрятся. И смех – искрится. Взяла в дом эту девочку, Ладюю нарекла. И впустила в избушку подругу её – волчицу.

Расцветает малышка Лада, весь любит мир. Её волосы –

пламя, кожа – то снег, то жемчуг. А глаза – раз посмотришь, и выбьешься вмиг из сил, коль захочешь забыть. Тебе уже помнить нечего, кроме этой улыбки – нежной и колдовской, её тонкого стана, запястий, любого слова. Этой девочке двадцать. В ней говорит покой. А сама она – сила, и ничего другого.

А волчица та – вечно рядом. Заклятый враг для того, кто захочет сделать малышке больно. Они с детства всегда неразлучны, и это знак, называть эту дружбу – истинною любовью.

Раз пошла моя Лада к речке, гадать на свет, что в груди разольется, когда повстречаешь друга. Ей уж двадцать, а милого сердцу всё нет и нет... Без конца утешает волчица свою подругу.

Но все без толку. И колдуньи хотят любви. Чтобы сердце запело, глаза – засияли ярче... А пока ты одна – гадай на воде, крови, птичьих перьях... Она гадает, а после плачет.

Вдруг завьюжило, небо – меркнет, и лес – замолк. Тихой поступью к ней подходит красивый парень – и косая сажень, и рядом с ним – серый волк. Улыбается смело и ей колечко дарит.

Лада робеет, краснеет, молчит в ответ, отступает к реке. Парень подходит ближе. Говорит, что она у него изнутри горит. А когда она рядом – он смелее, умнее, выше.

А когда она рядом...

Парня зовут Рамир – чёрный волос, небесный взгляд, если падать – омут. Он бы смог заменить, наверно, ей целый мир. Он бы смог заменить. Или стать ей как цепь, как хомут.

И забилось сердечко девичье из груди. Теребят руки волосы, губы – заклатья шепчут:

«Сбереги меня, Мать земля моя, сбереги...

Помоги мне понять, что сделать, чтоб стало легче».

А Рамир улыбается, и волк отступает в лес. Там волчица резвится, дышит теплом и негой. Лада падает в реку. Слышат тягучий плеск и волчица, и мавки, и, кажется, даже небо.

Говорить ли о том, что сказки всегда с концом?

У Рамира – надёжный стан и родные руки. И сдаётся Лада, пленённая молодцом. Нет приятней мелодий, чем речи любимой звуки.

И сдаётся Лада, и волчица её сдалась. Молодой серый волк – защитник, отважный воин.

И не важно, с чего история началась, Если кончилась сказка верной людской любовью.

Северная сказка

Зря я тебе доверилась. Только пороги пройдены, сброшено платье девичье, косы расплетены. Была бы я б птицей гордою, только... я подневольная, клетка мне – взгляд настойчивый, держит, так и держи.

Ворон кричит, метели бьют, ставни закрыты холодом. Пальцы немеют, сердца стук тише всё с каждым днём. И я склоняю голову, слабая и покорная слову любому, взгляду ли, что словно бьёт огнём.

И я склоняю голову, перед тобой колени гну. Май, только ночь белым-бела от снега и от ветров... Заледенели волосы, руки, и скоро я к утру стану лишь снежной девою с инеем от оков.

Имя моё потеряно, ты называешь милою, место – в твоей постели и знаешь, как быть рабой? Нет, я молчу, прости меня. Рождаются молчаливыми те, для кого у Одина вдруг не хватило слов.

Зря я тебе доверилась. Только теперь в родном краю ты – самый храбрый воин, ты – хозяин и господин. Никто не поможет мертвой стать, просто выкупить жизнь мою...

Послушна тебе я, викинг мой, до самых своих седин.

Полуденница

Мы друг друга теряли пару веков назад:
На кострах инквизиций, в чёрном глухом болоте.
Я тебя отпоила настоем душистых трав.
Ты меня опоил, а после оставил в поле,
Полном душащих, душных, самых кошмарных снов.

Безобидный цветок дурманом вонзался в кожу.
Утекала сквозь пальцы жизнь, я – свободная от оков
Твоей нежности – умирала. Всесильный боже!

Мои руки бледнели, сквозь них прорастал ковыль,
Моё тело полынью пахло, степной травой...
И мне снилось, что ты ни капельки не любил.
Так и было. И я сроднилась душою с полем.

И теперь – я танцую, сможешь остановить?
Сможешь вихрем, как я, в страстном кружиться танце?
Докажи, что достоин. Достойного отпустить —
Дело чести. Иначе – смерть. Начинай сражаться.

Вместо копий и стрел, рапиры – отважный шаг,
Силуэт рассыпается солнечными лучами...
Я танцую смелей и нежнее, мой милый враг.

А ты медленно – медленно засыпашь.

Змей

Если хочешь – попробуй сдаться,
Если сможешь – попробуй уйти.
Я тебя научу расставаться
С болью той, что лелеешь в груди.

Если хочешь, я стану Евой,
Стану яблоком или раем.
Ты – моим первородным грехом,
Моим центром, началом, краем.

Я не часть тебя, не ребро твоё.
Мы равны в этой битве, милый.
Я Адаму жена, но тепло своё
Для тебя одного хранила.

Нас рассудит Бог, но ему ль судить?
Что он знает о нашей страсти?
Это если огнём душу мне спалить,
То и пепла ты будешь частью.

Это если тебя называют тьмой,
Значит свету не зваться светом.
Если хочешь ты, остаюсь с тобой,

Не боясь предстать пред ответом.

Но не хочешь ты и, наверно, прав.

Ты не змей, да и я не Ева.

Только пальцы сжимаю опять в кулак,

Проклиная тебя и веру.

Только ты всё равно остаёшься мне...

Я тебя научу прощаться

С этой болью, имя которой – гнев,

И не смей никогда сдаваться!

С этой болью, имя которой – боль,

Ты, я знаю, можешь быть сильным.

Не кричи, когда повторяю «мой»,

О тебе с древних пор просила.

Богом я прощена, и простил Адам.

Оставайся со мной, любимый.

Я тебя никогда теперь не предаю.

Я – ребро,

Но Адаму ребро,

А тебе я – сила.

Касьянов день

Я в Касьянов день разведу костры, пусть горят огнём неужённых душ. Ты была сестрой – больше нет сестры, только ветки рук и немая глушь. Только неба щит да лазурный меч, под ногами – ночь плачет янтарём. Твоя боль утихла и стала легче, а теперь – горишь и сама огнём.

Пусть снега сметут угольки с ресниц, белый пепел с плеч звездопадом вниз. И теперь ты – клин перелётных птиц, перед которым падать и падать ниц.

А моя коса рассекает ночь, этот воздух хлад и дрожит в руках. Ты была – невеста, подруга, дочь. А теперь ты мой постоянный страх... Страх забыть долги и отринуть боль, изувечить жизнь и продать за грош. Вот и жгу костры да по кругу соль. Вот и жду опять, что ко мне придёшь.

Я в Касьянов день разведу костры, пусть горят, сжигают немые души. Ты была сестрой – больше нет сестры, только память снова набатом глушит.

А я слышу крики ночной звезды

И в тоске бессильной зажимаю уши.

А он говорит

А он говорит: «Я небо ласкаю ветром,
На что мне, ничтожная, сердце твоё, душа.
Можешь гадать на дым, ворожить над пеплом,
Но я за тебя не отдал бы и гроша.»

А он говорит мне: «Девочка, всё пустое,
Мне твои сказки, словно бальзам на душу,
Но конь подо мной, солнце, и бог с тобою,
Ты мне не стала даже ручной зверюшкой.»

А он говорит мне: «Глупая, успокойся,
Скольких ещё целовала под звёздным небом?»
Вижу, он злится, хмурится и смеётся,
А я вновь молчу, что он у меня был первым.

Я реки вплетаю в косы и рву ромашки,
Я слёзы глотаю и жду его на дороге,
А он говорит, что мне в темноте страшно,
Вот и стою немой на его пороге.

А он закрывает двери, сметая пепел,
А пепел – косы мои, взгляды его да боль.
Он молод, красив, он небо ласкает ветром...

И, улыбнувшись, целует мою ладонь.

Трын-трава

Понесут меня к чистой да реке белы ноженьки,
Расплету косу русую на две дороженьки.
Бел-горюч да трын-трава не дают уснуть,
Да трава-мурава мне пророчит путь.

Али ветер был силён да не мне сулил
Счастье, васильки да ясна сокола,
Я вплету в венок перо ворона,
Коли быть мне с тем, с кем и свет не мил.

Я глаза красивые в слёзы выплачу,
Я запрусь навек в своём тереме.
Красотой гордилась, только было ль чем?
Ах, зачем, почему же не ведьма я?

Я бы нашептала, стала б птицею,
Улетела б к милому да соколу,
А теперь под венец да под колокол,
Стану я рабой, ручной синицею.

Мне моя краса не нужна теперь,
Пусть река чиста станет домом мне.
Илистое дно – вот моя постель,

Я сейчас сама не нужна себе.

Коли для другой ветер песни пел,
Пусть споёт теперь мне прощальную.
Сокол ясный, любый, помни обо мне
Да храни кольцо обручальное.

Прости, солнце

Моё солнце больше не светит,
Оно день за днём спит.
Я помолвлена. Мой жених – ветер.
Прости, солнце, прости.

Ты не греешь даже случайно,
Ветер – плечи целует мои.
Ты моей остаёшься тайной,
Моим сердцем, что бьётся в груди,

Но теперь ненароком даже
Не смотри на меня, не смотри.

Ты – мой

Я тебя опою волшебной разрыв-травой.
Я тебя околдую, витязь мой, на раз-два.
И тут хочешь/ не хочешь, а выбора нет – ты мой,

И ко мне проберешься сквозь самый дурной бурьян,
И ко мне перейдешь реку любую вброд,
Одолеешь любого зверя, любую рать.

Я в твоей голове, в душе я и сердца под,
Значит – ты не позволишь вырваться да упасть.

Значит, руки твои – надежнее, чем броня,
А твой взгляд – крепче, чем самый надежный щит.

Это значит, что я теперь остаюсь «твоя».
Это значит, что ты мятежную – приручил.

Ведьмы берут своё

Твоей травой прорастают тропы, полынь горчит на моих губах. Глоток вина, еле слышный ропот и лента в девичьих волосах. Считай овраги, тяни за нитку, не путай ветки и руки нимф. Я твоё имя на листьях вытку, вплету заклятье в него и стих.

Закатом мой полыхает город из сонных и полевых цветов. В котёл кидаю немного соли, чтоб зелье чуть подсластить своё. Моя тоска велика, и значит, что твоё сердце – надёжный щит. И я гадаю, мой милый мальчик, и выпадает мне – приручи.

Пусть трын-трава опалит немного, а одолень – разобьёт заслон. Твой локон, память о ней, дорога; перо и запах далёких гор; чуть-чуть песка из страны Забвенья, чуть-чуть пыльцы неумелых фей – и вот дымком ароматным веет. Ну что ж, мой рыцарь, давай смелей.

Ты не смотри, что мои колени да все в царапинах, синяках; я не простушка, умею петь и тебя выгадывать на часах. Ты не смотри, что с травую косы, а ноги грязные и босы. Зато, когда наступает осень, я сразу знаю, о чём просить.

Пусть моя кожа не белый камень и не чистейшее молоко, а мои кудри – ярчайший пламень, что своим светом сожжёт легко. Пусть не тонка я девичьим станом, зато для волка – сестры родней. И для тебя всех дороже стану. Мне суждено

было быть твоей.

Считай овраги, кидай по крошке, найти пытаюсь обратный путь. Никто, хороший мой, не поможет. Забудь о доме своём, забудь.

Моей травой прорастают тропы. Ты выпил зелье, теперь ты мой. Я отпускаю тебя, но только, ты сам не хочешь идти домой.

Целуй сильнее, взлетай с обрыва, касайся сердца своим крылом...

Герой мой, видишь, я победила,
Ведь ведьмы вечно берут своё.

На листьях я вышиваю имя,
И после – снова варю вино.

Сила семи ветров

Я дарю тебе силу семи ветров,
Я люблю тебя нежностью лебедей,
И кольцо надежды, подставь ладонь,
Отдаю тебе.

Я шепчу дыханием темноты,
Я пою колыбельные ковылём.
Мой сердце – отблеск стальной луны
– всё твоё.

Бубенцы звенели, и листопад
Разжигал костры, и дрожал огонь.
Тебе каждый живой и пропащий рад.
Я с тобой.

Ты – глоток божьей святой воды,
Я – невеста ветра и дочь полей.
Я дарю тебе силу, и сам реши,
Что делать с ней.

Я дарю тебе нежность и тишину,
Ты свою скорей подставляй ладонь,
И я стаю в небо к тебе пушу.

Я с тобой.

Я – свеча

Я раскрытая книга в каплях церковного воска,
На страницах моих откровения павших народов,
И погибших на бранном поле героев войска,
И вдовы молодой, что умерла при родах.

Я – церквушки окно в потерянном сельском мире,
Мне открыты тайны, и ставни мои – открыты.
Я видала, как ты крестил своего сына,
Я видала, как пал он в самом разгаре битвы.

Я алтарь, и иконы, и крест над его могилой.
Я шепотка земли в дырявых его карманах.

Я дарю тебе для дела благого силы,
Если их у тебя невыносимо мало.

Я – следы, за плечами твоими стальные крылья.
Я смогу, и ты сможешь. К победе веди войско.
Мы сумеем, надежда станет счастливой былью.

А сейчас – я свеча. И я плачу церковным воском.

Хватит, друже

Всё сильнее бьёт по плечам огнём,
А в глазах – смерти твоей печать.
Милый мальчик, нам ведь не быть вдвоём,
Сколько ж можно каяться и кричать?

Друже, славный, мне ведь не быть твоей
Тёплой пристанью, яркой свечой, покоем.
Задеваю взглядом – стократ сильней
Красной нитью рвёшься пред аналоем.

Я не буду строить тебе мосты,
И поить отворотным уже устала.
Я не ангел, хватит меня носить
На руках и под сердцем, мне света мало.

Хватит гнать тоску из моей души,
Ведь глаза твои, что больного зверя,
Начинают болью меня душить.
Твоя нежность – смерти любой вернее.

Я устала в полночь под свет луны
Рисовать на запястьях сквозные раны,
Собирать по каплям росу с травы,

Чтоб ко мне опять не входил незванным.

Я устала каяться и кричать,
Потому что зелья тебя не лечат.

Говори со мной, глупый, о мелочах,
Пока я напоследок ломаю свечи.

Говори со мной, добрый, у пропасти,
Пока я не умею свободной птицей
Вдруг разбиться, чтобы тебя спасти,
Ты ведь мне не позволишь опять разбиться.

Хватит, друже, видеть во мне огонь,
Целовать запястья и верить в чудо.
Твоя боль – не моя, да и ты не мой,
Да и я твоей никогда не буду.

Уходи скорей, не смотря назад,
Потому что взгляд мой страшнее плахи.
Тот, кто раз в мои заглянул глаза,
Был с последней расстаться готов рубахой.

Потому что стала второй судьбой,
Вторым сердцем, кровью, а после – адом.

Уходи, хороший, и Бог с тобой.
И оглядываться не надо.

Пой, гитара, пой

Жгут костры, да жгут на вчерашний день,
И зовут на свадьбу мою гостей,
Приносили травы чтоб да вино,
И всю ночь гуляли, пока светло.

Звон монет, монист, яркий цвет платка
– Так танцует пламя, так танцую я.
Босиком по мёрзлой, сырой земле.
Мой отважный ром, вспомнишь обо мне ль?

За другого замуж отдаёт родня.
На коня ты вскачешь ль? Украдёшь ль меня?
Или этой ночью будет нож остёр,
А с утра взойти мне на тот костёр?

Пой же, пой, гитара, мне душу рви,
Мои слёзы, Лада, на его крови,
На его руках моя будет смерть,
А сегодня, Лада, мне до ночи петь.
Льётся голос мой, твоя льётся песнь,
Быть сегодня мне не его невестой.
Быть мне завтра – мёртвой, и быть мне – пеплом,
Мне, цыганке, что оставалась верной.

Сильная-слабая

Я врала тебе, я не сильная.

Очень слабая.

Мои плечи не выдержат этой тяжести.

Пусть горит изба деревянная,

Рвётся конь вперёд да без упряжи.

Это раньше была я безудержной.

Без тебя – не сумею и малости.

Ты совсем меня не заслуживал.

А теперь пепелище выжжено

Этим солнцем, что болью красило.

Я себя да из пепла – выжила-

Соберу по частичкам заново.

Я и в избу войду горящую,

И коня на скаку. Красивая.

Пусть теперь не твоя любимая,

Только прежняя. Настоящая.

Под завесой дождя

Целуй под завесой дождя меня,

Я стану твоей королевой.

И пусть ты однажды забылся, я

Устала быть небу верной.

Невеста Господня – теперь тебе,

Гордись, одичалый рыцарь,

И хватит в ночи серенады петь,

Уже не смогла выстоять.

Роняла платок я с высоких стен,

Расшитый златой каймою.

А ты до утра о любви мне пел,

Своей называл звездою.

Целуй же теперь, не боясь огня,

Целуй, пока плачет небо.

Сегодня, и после – всегда твоя,

Где б ни был б ты, с кем бы не был.

Ворожи

Ворожи, ворожея, ворожи на воде.
Не корми его хлебом, корми поцелуем.
Пусть колени твои – смысл жить, и вообще,
Твоё имя – как имя господа всеу.

Раздразни его мягким касаньем руки,
Тёплой плотью, тревожащей грешные мысли.
Пусть касанья твои, словно ветер, легки,
Пусть он молится им, раньше, ныне и присно.

Твои взгляды рожают пожарищ огонь,
Пепелище воскреснет для жизни и страсти.

Можно слушать, смотреть, но запретом – не тронь.
Он, согласна, король, но, увы, другой масти.

Будь богиней, а он – раб твоей красоты,
Невозможным желаньем коснуться губами,
Твоё тело нагое на ложе склонить...
Ворожи, ворожея, над полночными снами.

Пусть твой вдох для него станет ритмом души,
На запястье – пульсирует точка безумства.

Ты одна, ворожея, смысл верить и жить,
Ты одна для него станешь светом и чувством.

Ворожи, ворожея, на крови ворожи.
Ворожба – это тоже искусство.

Половинка вторая

Запаролен

Больнее всего думать, что не было и не будет.
Мне нежность твоя боком опять через столько лет.
И я не люблю, вроде. Смеются в глаза люди,
Пока я стараюсь в урну выкинуть наш билет.

В прошлое, где мы рядом. В прошлое, где мы вместе.
Ты запаролен. Точка. Смысл тебя искать?
Чужие ладони. Имя. И я – не твоя невеста.
Словно играли в прятки, а ты вдруг устал считать...

И я потерялась в беге, запуталась в лабиринтах
Улиц, домов, города, в котором тебя нет.
Дыхание мне не выровнять, сердце с другими в ритме.
А я погибаю медленно, твой не найдя свет.

Больнее всего думать, что ты не любил даже.
Другую зовёшь так же, различий – считай, что нуль.
И я угасаю, милый, и видит почти что каждый,
Как я улыбаюсь прошлому, прошитая сотней пуль.

И ты не придёшь однажды, чтобы мне дать прощение,

Коснуться щеки пальцами, мысленно отпустить.
У меня тебя нехватание, грехов твоих отпущение.

Мне надоело, солнце, не помня тебя – любить.

Сизифов камень

Я сердцем давно отпустила,
А памятью – не могу.
Ты моя боль и сила,
Рука, что затянет петлю.

Ты моё наносное,
Что прорастает вглубь.
Я не сокру, не скрою,
Ты – жизнь, что длиною в путь.

Путь, стёртый под каблуками
Изношенных башмаков.
Ты мой сизифов камень,
Чёртов гнилой остов.

Память больного сердца
Звуком со слога «лю».
Мной не сумев согреться,
Затягиваешь петлю.

И я в сотый раз сгораю,
Теряю рассудок, речь.

Я памятью отпускаю,
А сердцем – хочу сберечь.

P

lay

Мне продолжает тоска скручивать в рог бараний
Внутренности мои; теревить за волосы.
Бог с высоты небес плюёт на мои старания
И вновь в тишине ставит на play твой голос.

Люди марионетками вновь заполняют улицы,
Черты весело пляшут в моей душе.
Я продолжаю выть, стены бить и сутулиться,
Стоять на карнизе дома в пять этажей.

Ты весь такой уверенный, улыбчивый, настоящий,
Даришь букеты ей и целуешь медленно.
Бог за тебя горой. Что будет со мной, пропащей,
Больше не важно. Я остаюсь потерянной,

Брошенной, лишней, преданной, вовсе тебе не нужной.
Тоска продолжает меня теревить за волосы.
Я громко кричу от боли, Бог снова меня не слушает
И вновь в тишине ставит на play твой голос.

Временные пояса

Мы в разных временных поясах одной, бьющей под дых тоски.

Я тебя узнаю в голосах, движеньях взгляда, лица, руки.
Можешь молча курить в окно и целовать по ночам других.
Мы с тобою срослись в одно, не ищи меня больше в них.
Гори, влюбляйся, женись, дыши. Но бойся встретить
в толпе меня.

Я даже больше, чем эта жизнь. Я просто истинно для тебя.
В твоей груди нарисую свет, ты пробиваешь в моей дыру.
Ты говорил мне, что боли нет – я до сих пор пустотой дышу.

Я до сих пор вывожу пером, да на ладони – стирать не смей
– Не пробуй вырубить топором, не говори обо мне с ней,
Той, что держит твою ладонь и прокликает мои мечты.
Пока я всё ещё твоя боль, моя тоска до сих пор ты.
Не колоти по стене рукой, не смей имя моё шептать.
Пусть сердце бьётся моей строкой, безумно хочется умирать

И воскресать на моей груди, не подпуская ко мне других.
Во мне так много твоей тоски, что бьёт меня и тебя под дых.

А мне так хочется отпустить и перестать изнурять стих.

Но моя боль изо дня растёт, твоя – стихает, почти прошла.

Я забываю тебя год, я забываю тебя два.

Ты счастлив, смел и готов уже вершины, звёзды к её ногам.

Я не могу перейти рубеж. Я не люблю,

Навсегда твоя. У неба – твои замашки

Кого я себе сотворила этой любовью?

Не любишь – но пишешь, с другой ты – но снюсь тебе я.

Два выдоха – вдох. Дождём по заплаканным стёклам.

Я словно дорога, тропинка твоя и стезя.

Мы вместе – отныне до времени новых ковчегов.

Мы две воедино сросшиеся судьбы.

Мне – алый парус. Уже с другим человеком.

Тебе – на ладони кольцом чужим дальше жить.

Блокноты застыли до боли нелепым молчаньем,

Твой силуэт на страницах прочитанных книг.

Я за твою нелюбовь своей головой ручаюсь,

А за мою нелюбовь – ответит мой стих.

Ты, сотворённый мной и меня сотворивший,

Ты, ставший братом мне и не ставший мужем.

В жизни твоей мне место нашлось – быть лишней.

Лишней, но отчего-то безумно нужной.

Небо расколото пулями, мелкой дробью,

Словно слова весят не меньше тонны.
Я отвечаю, лишь изогнёшь ты бровь и
Чувства такие вряд ли тебе знакомы.

Благословляю август, горчащий смехом,
Улыбкой твоей. Сколько быть можно правой?!
Я так хотела, чтобы ко мне приехал...
Ты и приехал – вот и алтарь, и плаха.

Прахом две подписи кровью на свитках белых.
Бог подустал продумывать нам маршруты.
Я для тебя становлюсь самым нервным нервом,
Ты для меня – решением самым трудным.

Я для тебя – таверна в конце дороги,
Что-то внутри, что греет январской ночью.
Только о прошлом память, прошу, не трогай,
Я научилась всё-таки ставить точки.

Я научилась видеть над морем парус.
Вот он алеет. У неба – твои замашки.
Нежность моя- это такая малость...
Я улыбаюсь небу в твоей рубашке.

Солнечная вязь

Ты глаза закрываешь, с небес осыпаются звёзды. В такт вселенной дрожат ресницы. Тройной удар. Ты вчера говорил, что счастье – стихи, не проза. А сегодня ушёл, оставив две строчки в дар.

По ночам в лабиринтах души и больного сердца, ты блуждаешь в мной лично созданной пустоте. Если страсть – чувство, где на нежность – три ложки перца, то со мной и во сне милые, да не те.

Растворяю реальность, копии убивая. Это тысячи мыслей, тысячи слепых душ. Я осколками вновь выстилаю дорогу к раю. Я прощаю тебя в отражении озябших луж.

Это тысячи мечт, встреченных мной рассветов, порознь ночи, собранный мною пазл. Это был не ты, мальчик-частичка-света. Это был мой бред. Слепок счастливых нас.

И когда первый луч коснётся земли холодной, я теплом любви лягу тебе на плечи. И ты можешь не верить в ангела, чёрта, бога... Но ты должен знать, что со временем станет легче.

То, что гложет тебя, простится с твоей душою; душным летом сорвётся к белеющим облакам. Ты уходишь, но даже теперь остаюсь с тобою. Если плохо тебе – держись – вот моя рука.

Я плету крепко нити, и солнечной вязью боль я пробиваю насквозь. Планы мои просты. Всякий раз, как берёшь в руки мои ладони, я прощаю тебе, что я – это тоже ты.

Sorry, my handsome man

Тетради устали выслушивать откровения,
Душевный стриптиз нынче уже не в моде.
Я разучилась плакать, и знаешь, вроде,
Та что тебя встречает – совсем не я.

Я бы шагнула к пропасти за тобою,
Сосчитав до пяти – прыгнула бы с обрыва.
Только такая любовь тебе не угодила,
Вот и стою как дура. Но я не ною.

У Ноя ковчег и каждой твари по паре,
А мне бы одну лишь пару, назло печали.
Я стану голубкой, коли ковчег отчалил.
Sorry, my handsome man, я тебя встречаю.

Я новую землю открою, Колумбом буду.
Хочешь, рассвет раскрасим в зелёно-синий?
Будем как в песне: ты дубом, а я – рябиной,
Если вообще вместе когда-то будем.

А я, как Татьяна, пожалуй, уже закончу.
«Мне ваша честь»... И далее в том же роде.
Душевный стриптиз нынче уже не в моде.

Тетради сжигаю.
В памяти вечно.
Очень.

Как ты там без меня?

Как ты там без меня? Ты скажи, что совсем не скучается.
Я нарушила клятву, знаешь, бывших не берегут.
Не хранят их, поверь, и в подушку ночами не плачутся,
Ты скажи мне, что память о нас века сберегут.

Как ты там без меня? Она не читает нотации,
Вообще не читает, ты нашёл, видно, то, что искал.
Я тебя не ищу по вокзалам от станций до станции.
Отзвучал этот реквием, привычкой моей не стал.

Как ты там без меня? Она откровенней и бережней
Губами проводит от губ твоих вниз и до...
Я просто ладонью к ладони, не страстью-нежностью.
Смотри, мой родной, не вышел чтоб передоз.

Как ты там без меня? Ты скажи, что ночами не снюсь тебе.
Шепчи имя её, касайся её лица.
Она, наверное, стала тебе откровением,
Когда я была строчкой из письмаца.

Как ты там без меня? Она любит тебя безудержней?
Ближе к телу? А помнишь моё тепло?
Я к тебе приходила верной и безоружною,

Я к тебе... Душою да босиком.

Как ты там без меня? Ты скажи, что случайно помнится
Имя моё, когда вспоминаешь город.

Ты скажи, что когда наступает порой бессонница,
Вдруг понимаешь, насколько ты был мне дорог.

Как ты там без меня? Я забросила наши улицы,
Я нарушила клятву, забыла твои интонации.
Когда ты уходил, даже мой город ссутулился,
Так было больно. Я боли касалась пальцами.

Как ты там без меня? Забудь меня тихой, слабою,
Помни нежность мою, она на земле одна.
Спасибо за то, что стать пришлось сильной, статною.
Прости за любовь.
Как она прощала тебя.

Моё сердце теперь по-другому звучит мелодией,
Теперь знаю одно – бросивших не сбережь.

Как ты там без меня? Ты скажи, прошу, что с другой те-
перь

Ты счастливей, чем был, что она твой и щит, и меч.

Ты не будь мне

Не сбывайся моей мечтой, моим счастьем и этой болью.
Как бы я не просила быть – ты не будь мне – никем не будь.
Даже если тону в слезах – не протягивай мне ладони,
Не пытайся прикрыть плечом, подставляя под пули грудь.

Ты ушёл, значит я осталась, стала сильной, как твёрдый
стержень,

Я не гнусь ни от ветра и ни от боли какой, невзгод.

Никогда не могла подумать – будет время, и ты отверг-
нешь...

А теперь, уходи, любимый, я вне списка твоих забот.

Ты не должен писать украдкой, вспоминать о моих про-
блемах,

Даже помнить не надо, пусть эта память – мне крест и до-
ля.

Знай одно, я всегда хотела стать единственной твоей ве-
рой,

Только, видно, не мне судьба вновь касаться твоих ладо-
ней.

Не смотри на меня теперь, через годы и километры.

Я не выдержу и сорвусь, у неё отниму тебя.

Я опять повторяю, что ты – частичка моей вселенной.
Если что-то случится вдруг, просто знай, у тебя есть я.

Режим нон-стоп

Любовь до гроба, в одну сторону, без ответа.
Режим нон-стоп без пауз и перебоев.
Ты мой припев в песне, где нет припевов,
Ты мой прибой морской в море, что без прибоев.
Ты сигарета, которую та докурит,
Да, та, которая снимает с тебя одежду.
В меня стреляешь, но сквозь пролетают пули.
Я не святая, но любят порой и грешных.
Я не святая. И Бог говорит со мною,
Отводит пули, пущенные во гнев.
В тот день, когда меня позовёшь с собою,
Я стану воцарившейся королевой.
В тот день, который закончится так же быстро,
Как наша осень, спущенная на дно.
И вот с другой допиваешь спокойно виски,
А я смотрю за кухонное окно.
Во мне бушует выюга, и лето в коме.
От этой боли спустила б тебя в Таргар,
Чтоб ты изведаль вкус настоящей боли,
Но ты, всё, что смог и всё, что сумел отдал.
И снова, в который раз, набираешь номер.
Всё вроде бы хорошо, а на сердце – дыры.
И чувство такое, что в тысячный раз б помер,

Представив, что не тебя назову любимым.
Бросай всяких встречных и говори со мною,
Пусть после осени снова наступит лето.
Я буду самым нежным твоим прибоем.
Я буду самой длинной твоей сигаретой.

Трактир

Дни скуриваю сигаретами и прожигаю до дыр.
Твоя душа – не сады цветущие, а трактир,
Но отчего-то в тысячный раз влюбляюсь я в эту душу.

Ни стихов моих, ни мелодий моих не слушай...

А ты и не слушаешь, впрочем.

Зачем тебе белые ночи,

Что эпитафией к самым нежным моим стихам?

Ты что-то снова куришь,

Пьёшь алкоголь и пропадаешь до утра из эфира,

А я повзрослела. Уже не зову миром,

Вселенной, галактикой...

Будь ты хоть центром Земли.

Важнее лишь то, что ты не стынешь моим,

И это всего большее.

А я забываю месяцы, дни недели,

Сжигаю стихи, билеты в кино и ленты,

Память о том, как взглядом была согрета...

Это было давно и это было неправдой.

Я уже больше года не вижу, не слышу, не чувствую.

Небрежность твоя висит на груди наградой

За эту любовь мою,

А большего мне и не надо.

И чтобы вдруг не расплакаться,

Я повторяю:

«Будь ты хоть трижды солнцем,

Прошное не вернётся...

Влюбляйся до одури, лист стирая до дыр.

В его сердце-не сад.

Трактир.»

Крёстная сила

Поставить крест на тебе, крест на себя, крестная сила – боль.

Хочется выпросить, выбросить, выпластаться, грея тебя собой.

Выгореть донельзя, перегореть, стать для тебя что мир.
Я ~ оголённые провода, и моё сердце – тир.

Целься в мишени со ста шагов, после попробуй с двух,
Разум мой с первой строки оглох, слух мой – он тоже глух.
Мне не утешиться коньяком, пьяным твоим «люблю»,
Ты же не любишь, а в горле ком (кажется, что блюю)

Каждым твоим прошлогодним нет, летом в конце зимы,
Хочется вычеркнуть этот бред, господи, отпусти,
Хочется выорать эту боль, просто сойти с дорог...

Пусть она греет тебя собой, если со мной продрог.

Адамово ребро

Рыцарю рыцарь, царь твоему царю,
Миром помазанный, взошедший на свой престол.
Если знать хочешь, зачем с тобой говорю,
То лишь потому, что знаю – ты мной ведом.

То лишь потому, что сердце моё – стынь,
А девочке хочется бешеного огня.
Но мне и в +40, летом, в жару стыть,
Пока на плечах каменная броня.

И давит виски лавровый чужой венец,
И крест деревянный под солнцем давно усох.
Я скоро собой пополню ряды невест,
Которым твоё отчаянье – едкий смог.

Которым твой взгляд насмешливый – сувенир,
И на груди, как ладанка, твой привет.
В цари из грязи, сказочников, задир...

А я тебе стану самым коротким «нет».

А я тебе стану самым коротким «да».
Корону на голову, скипетр в твою ладонь.

Сердце горячее – вот где твоя броня.
Дом мой – любое место, где я с тобой.

Богово богу, а мне бы к твоим плечам,
Под коркою льда биться в твоё окно.

И если просить стоит раз мелочах,
То стань мне Адамом.
Я – стану твоим ребром.

Я становлюсь Маяковским

Ритмом изломанным нервно чеканя шаг,
Я становлюсь Маяковским, моя душа.
Я становлюсь Маяковским, и не спеша
В небо черчу невесомейшую из лестниц.

По табуреткам к солнцу, к верёвке из
Самой прочнейшей из простыни на карниз,
И моя жизнь – коротенький эпикриз
Тому эпизоду, где всё-таки мы не вместе.

Мне каждый нерв готов показать язык,
Когда истерию – молча дают втык,
Я нахожу пальцем на ощупь стык
Наших с тобой последних прикосновений.

Вот ты – игла, заусенец, команда, шов,
Вроде был мальчик, а смотришь – уже большой,
Я как борзая, слово – уже готов
Не принимать самых простых решений.

Руки дрожат, разум теряет нить,
За облака из ваты прошу винить
Тех, кого сам однажды призвал любить

И рисовать звёзды, чертить скрижали.

Я вывожу древней вязью последний стих,
Я замолкаю, ветер давно утих,
Я подавляю даже невинный чих,
Лишь бы глаза твои взглядом меня искали.

Я не Маяковский, просто один из тех,
Кого Вы в прошедшей жизни наприручали.

Тони, мне больно

Тони, мой город болью не обесточен,
Солнце светит ярче, пожалуй, чем
Раньше светило. Больше не ставлю точки
И не решаю прочих чужих проблем.

Тони, я устаю так от этой жизни,
Где враг дороже, ближе любых друзей,
Где твоё сердце – это моя отчизна,
Где невозможно стать до конца твоей.

Тони, я задыхаюсь в пустой квартире,
Мой млечный путь выстелят твои фото.
Я улыбаюсь громко дрянному миру,
Падая даже не с крыш, а с обычных полок.

Тони, я счастлива словом себя калечить,
Всё же не ты добиваешь меня безбожно.
Я бы поверила, может, что станет легче,
Вот только верить – тоже безумно сложно.

Тони, мне больно тебя отдавать другому,
Не помнящим дат, обычному человеку.
Я бы уже давно пожелала комы,

Но обещала остаться с тобой навеки.

Ты не читаешь письма, я не пишу их.

Город мой болью вовсе не обесточен.

Просто сквозь тело так и летают пули,

Просто я всё ещё ставлю большую точку.

Тони, пообещай мне, что станет проще.

А дальше что?

Я совсем не знаю, с чего начать,
И слова не идут на ум.
Ну допустим, поверю, что ты причал,
Состоящий из сотен лун.

Ну допустим, поверю, что ты мой щит,
Меч, копьё или что ещё...
Для тебя стану солнцем, что приручил.

Хорошо, ну а дальше что?

Я из другого теста

Нет, мальчик, я из другого теста,
Что мне твои пламенные объятия?
Я откровенно и пошло снимаю платье,
Чем интригую общественность, люд и прессу.

Мальчик – улыбка – словно – кинжал из ножен,
Руки твои измученные по телу.
Я бы тебе сегодня, конечно, спела,
Только ты выжат, выможден, обезвожен.

Мальчик, давай ты будешь молчать в подушку,
Пока со спины спускаюсь довольно низко.
Нет, я не бейба, детка и даже киска,
Мальчик, ты то, что сейчас мне безумно нужно.

За плечами

За плечами – горы проблем,
Невыясненных вопросов,
Незаконченных разговоров,
Белья, посуды.

Но когда ты звонишь, приходишь,
То все до смешного просто.
Я – твоя. И об этом жалеть
Никогда не буду.

И когда твои дети меня назовут тётёй,
А мои сорванцы полюбят тебя как друга...
Я отправлю тебе письмо с игрушечным вертолетом:

«Мы с тобою смогли не потерять друг друга»

По колено

Я больше не сплю с телефоном в подушке,
Мне бредни любовные шепчут на ушко,
Мне дарят цветы и улыбки прохожие,
Совсем на тебя, мой родной, не похожие.

Ты локти кусай, только поаккуратней,
Бей стены, лежи в опустевшей кровати.
Я – бедная Маша, которой Мишутка
Сказал, что любовь просто глупая шутка.

Влюбляться в случайных прохожих на улице,
Хотя мне б от боли рыдать и сутулиться...
Но плеер, наушники, юбка и кеды,
И мне по колено и море, и беды.

Бумажные самолётики

Я пускаю к тебе бумажные самолетики,
А сама остаюсь за чертой твоего дружелюбия.
Не нужны ни ромашки, ни другие цветочки-лютики.
Я хочу одного. Я прошу об одном. Люби меня.

Но в ответ – тишина. И мой голос немым останется.
Я тебя не хочу тревожить своим отчаянием.
Без тебя – меня нет. И дышать даже не получается.
Не волнуйся. Я выдержу длительное молчание.

Не писать о тебе, не кричать, разрывая горло, я
Не смогу, но попробую. Дорого боль обходится.
Моя клетка грудная будто бы вся разодрана,
А в ней – еле живое, бьется, не остановится.

Я пускаю к тебе в ванне китов и уточек,
Паруса разукрасить в алый пыталась вечером.
Я люблю тебя – значит верю, что все получится.
Больше верить мне уже, к сожалению, не во что.

Получай мои письма длинные, расшифровывай.
Там за каждой точкой столько любви скрывается...
Хотя сердце мое будто пулями наштиговано,

А душа потерялась и черт знает где валяется.

Я пускаю к тебе журавликов и приветы шлю,
А сама остаюсь за чертой, и прошу, не кори, вина.

Для тебя моя нежность. Ты выжил, а я люблю.

И прошу об одном я.

Только одном.

Люби меня.

Ты больше меня не

Ты говоришь «да»,

Я говорю – «нет».

Уходишь, и даже не смотришь вслед.

Не ври об огромной своей любви,

Достаточно видеть глаза твои,

Чтоб знать, что ты врёшь.

Я через века протяну ладонь,

Пытаясь объятьем уменьшить боль...

Но ты – отпустил и сказал «прости».

И больше меня не ждёшь.

Я теряю тебя

Я теряю тебя, теряю.
Перекресток, 3 шага в бездну.
Еще миг, и поверь – исчезну.

Я устала, но я прощаю.

Не виновен, что сердце стынет,
И не помнит моих ладоней.
Не стреляй только, милый, в спину.

Я и так эту боль запомню.

Там, где только срослось – вновь рвется.
Шрамы снова кровят – не страшно.
Если ты отпустил – не важно,
Что случится. И кто сорвется.

Я теряю тебя, теряю.
И нет сил ни держать, ни плакать,
Рисовать на груди заплаты...

Я люблю тебя. Я скучаю.

Смешная обычность

Смешная обычность пахнет сплошной романтикой,
Я на руках твоих, дождь и большие лужи.
Ты был обёрткой, эдаким ярким фантиком,
Я не хотела слышать, точнее – слушать,
Как твоё сердце бьется ко мне минорами,
Шаткой строкой рифмованной, перебитою.
Ты обещал, и ты сворачивал горы, и
Мне было не важно. Всё это меня бесило.

Чай по утрам в постель и под вечер фильмы,
Шпильки под шкаф, мне на руках удобней.

Я не хочу быть для тебя любимой,
Я не хочу быть для себя свободной.

Без поцелуев, тихая нежность вечером,
Без обещаний, верь, что и мы расстанемся.
Нас и сейчас больше, чем двое вчетверо.

Свет моих глаз – глупость и не считается.

Не улыбайся, милый, всё это кончится.
Ты уезжаешь, а сердце моё привязано

К этому городу, к этому одиночеству.

Я не кормлю тебя лживыми нежно-фразами.

Я не пою о тебе, и я не пою тебе,

Я засыпаю с мыслями о других парнях.

Спи, мой хороший, я скоро закрою дверь

В нашу мечту, где мне засыпать на твоих руках.

Спи, мой отважный, спи, и не чувствуй страх.

Распутная недотрога

Не умею покладистой, нежной, ласковой,
Я быстрее отравленной стану маской, и
В лоскуты изорву и изрежу – острыми,
Как кинжалы, взглядами. Я несносная,
Я капризная, венам твоим послушная,
Не тебе покорная, хоть и нужная.
Не тобой свободная, птица вольная,
А ты хочешь в клетку меня. И больно мне.

А ты хочешь, чтобы тебе доверилась,
Не умею, в сердце моём повесилась
Во сыром углу мать беды – тоска,
И я стала, глупая, да пуста.

И я стала тенью чужих дорог,
Донельзя распутная недотрога.
В сотый раз для тебя оставаясь первой
Не умею ласковой, только – верной.

Спасение

В мире, где вещи ценнее людской жизни,
Где без опаски и жалости убивают,
Ладони твои – единственная отчизна,
Только любовь и нежность твоя спасают.

Только заботливо плечи тобой укрытые,
Ласковый взгляд, чай горячий холодным вечером.
В мире, где счастье, слово дары зарытые
В мёрзлой земле. А больше сказать и нечего.

Делаем вид, что праздность вдруг волей случая
Стала всевышним благом, и все стремятся к ней.
Лесть – тоже благо. Мнений других – не слушаем.
Люди как вид – вымерли. Нет людей.

Всё повторяется снова и по накатанной,
Будут кривить душой, улыбаясь – скалиться.
Редкие случаи нежности – как заплаты на
Рванной душе земли. А она ломается.
Гнётся под болью времени, загибается.
Ценность людской жизни сошла на нет.

И только пока ты рядом, мне дышится и прощается,

Мой, небесами посланный, человек.

Клавиши, брют и стол

Вот престол, на престоле царь, у царя – бардак. В бардачке – бордель, бредятина, тёплый брют. И посмотришь – ну вроде царь, а такой дурак – грязный, с спутанной волоснёй – оттого и быют.

Говорят ему: «Отче, сколько в запасе лет? Ты б сошёл с престола, побирался бы за углом». И он просто молчит и слушает этот бред, а давно уже мог послать всех, да просто влом.

Он молчит, а после – в руки берёт бутыль, забирается в дом, камнем разбив окно. Стоят в комнате клавиши, на клавишах этих – пыль. Алкоголя глоток – касается ноты до.

Вот отходов горы – это его престол. Что-то можно продать и выручить на билет. Есть машина старая, клавиши, брют и стол. Он король и бродяг, и нищих с десятков лет.

Он уехал давно б, да только никто не ждёт. Вот и ходит грязный, с немытою головой. Вот престол, на престоле царь, и ещё на год остаётся здесь – сторбленный и больной.

У него есть клавиши, денег чуть-чуть, билет.
Только дома родного как не было, так и нет.

Repeat

Час, когда умерла вселенная, я поставила на repeat. Моё сердце – сплошные вены, и так больно, что не болит.

Мне купол неба казался ласковым, а ты – целованным тишиной. Любовь моя представлялась сказкою, а ты был больше, чем просто мой.

Ты обнимал со спины, и что-то во мне рассветами тихо плавилось. Во мне звучали стихи и ноты, а ты нашёптывал нежный вальс.

Мурашки жили своими судьбами, ластились к сильным твоим рукам. Не понимая, зачем же люди нам, я привыкала к твоим словам.

Я стала мягкой, твоей, податливой. Я разучилась держать осанку. Я жизнь свою измеряла датами с тобою вместе. Мне было сладко.

Ты мне подарком – ключи от дома. От сердца мне не отдал ключи. Я билась в двери так бестолково. Я застывала в душевной коме. ты умолял меня: «замолчи» ...

Когда ты думал, что я заснула, включал нетбук и писал о ней. А я была не пустышкой – дурой. Обычной копией. Не твоей.

Ты не меня целовал в ключицы, и со спины обнимал не ты, а взрослый мальчик, кому не спится, лелеял умершие мечты. Усталый парень, кому за тридцать, искал любимую в нелюбимых. Какого черта ты мне случился?

Её повадки, характер, имя...

Татушка витая на лопатке, совместных фото пустой альбом. Мне было больно и было гадко, но это было уже потом.

Мне купол неба свинцом на плечи давил звенящею тишиной.

Я повторяю, что ты не мой, не веря в то, что хоть что-то лечит.

Но мне когда-нибудь станет легче, и я вернуться смогу домой.

Смертельный недуг

А я совсем не умею верить.
Мечтать умею, а верить нет.
Я не стою под твоею дверью,
Не оставляю случайный след,
Я не целую твоих ключиц и
Я не пишу тебе каждый день.
Всё, что могло, то уже случилось.
Не будет больше у нас. Поверь.

В моих глазницах дрожат рассветы,
А в сердце – маленькие ножи.
Ты их метал, говоря при этом:
«Попробуй с ними хоть день прожить».

А я смогла, и не день, а много,
Безумно много ночей и дней.
Была я девочкой недотрогой,
Не обнимала ничьих плечей...

А бог смеялся, глядя на строки,
Где я молилась за твой покой.
Читал мне отповедь на ночь строго,
Вновь повторяя, что ты не мой.

Кольцо на пальце, босые ноги,
Её запястья, твои глаза...
Я в них была лишь одной из многих,
Соринкой там, где она слеза.

Твои ресницы дрожат устало,
Ты молча сбрасываешь звонок.

На жизнь я целую опоздала,
Ведь ты со мной точно так же мог
Смеяться и разбивать посуду,
Стелить постель, наплевав на всех,
Орать в три ночи, что рядом будешь,
Дарить горчащий медовый смех.

Во мне – глаза да того же цвета,
Фигура, рост и пьянящий запах.
В твои объятия – она одета,
А я у боли заснула в лапах.

Мой не/любимый уже не лечит.
Ты не болезнь, ты – смертельный недуг.
Он любит и отменяет встречи,
Ты – спишь со мной, и всегда при этом
Ты в каждой линии на ладони

Найти пытаешься её имя.

И это больше, чем просто больно.

И это просто невыносимо.

Мне остаются на память ночи,
Зубная щётка, твоя футболка,
Её черты, твои фразы. Впрочем...
Нет ни тебя, ни любви, ребёнка.

Мне очень плохо. И я не верю,
Что всё однажды вдруг станет просто.

Я за тобой закрываю двери
И согреваю в ладонях звёзды.

Бабочка-однодневочка

Ничего не осталось от милой наивной девочки.
В прошлом юбочки, блузки и платья в косую клеточку.
Стали шпильки ещё повыше, чулочки – в сеточку.
На охоту выходит бабочка-однодневочка.

Ярко-красным рисует губы сплошной линией.
Ей важнее всего быть яркой, а не красивою.
А на платье коротком – молния очень длинная...
Расстегни до упора. Целуй его, молчаливая.

Кружева, белизна простыней и кофе просроченный.
Уезжаешь уже? Ах, да. Ещё один вызов срочный.
В другой раз, прошу я, платье ещё короче.
До свиданья, малышка. Желаю удачной ночи.

Тушь течёт по лицу, и тошно от отвращения.
Когда ты успела стать мастером обольщения?
Плачь/не плачь. Это только твоё решение.
Не меняется суть от разного освещения.

Ничего не осталось от милой наивной девочки.
В прошлом юбочки, блузки и платья в косую клеточку.
Надоело быть глупой бабочкой-однодневочкой?

Быть голодной и нищей, но честной.
Это ли легче...

Тчк

Целую на Вы, мысленно, междустрочно,
Межреберье тоскует, клеткой любви не став.
Телеграф принимает: «Скучаю тчк Срочно
Приезжай и увидишь сам, что ты был не прав.
Извини меня за банальность и бескультурье,
Извини, что на ты. Раз пишу я издалека,
Даю право себе твоей называться дурою.
Я люблю тебя очень.
Я люблю Вас
И тчк»

Смешная и пошлая

Беру у тебя телефона номер, флиртую напропалую.
Боже, куда моя подевалась скромность?
Мы далеко, а в мыслях – до самых пят целую.
Смешная и пошлая. К чёрту любую гордость.

Я просто хочу прижаться к твоим рукам.

И, знаешь ли, это платье снимается очень быстро,
Одно движение плеч, и я в negligé.
Смотри мне в глаза. Не будет, поверь, капризов.
Ты независим.
Только немножко ближе... И выбора нет уже.

Целуй меня осторожно, касаньями нежных губ
Покрой мои волосы, губы и тёплую кожу.
Окутай меня цепями своих самых крепких пут.
Я обещаю, ты без меня не сможешь.

Я не ты

Я не ты – не выпрямляю волосы,
Не ношу часов, не крашу брови.
На запястье – поцелуев полосы.
Да, твой принц становится героем.

Время исчисляю его ласками,
Он барьер разрушил – и я пала.
Он рисует тело моё красками
На холодном белом покрывале.

Мне не стыдно. Я прощаюсь с совестью.
Я не пафосная стерва. Бери выше.
И пока не можешь сладить с гордостью,
У меня в его объятьях сносит крышу.

Мне закрыт вход. Я зовусь изгоем,
И меня не водят по премьерам,
Но пока ты еле слышно воешь,
Он меня зовёт своей Венерой.

Я не ты – не выпрямляю волосы,
Не худею и не крашу брови.
На запястье – поцелуев полосы.

Твой хороший стал моим героем.

Ангелом за плечами

Открывайся мне, открывай меня. На губах – замок.
Я молчать умею, и твои слова для меня зарок.
Эта осень песней на устах моих, для тебя бы спеть,
Только не умею, и, увы, не мне для тебя гореть.

И, увы, не мне рисовать на небе тайных звёзд пути.
И не мне, ревнуя и боясь упасть, до тебя идти.

Только ангелом за плечами, но ты-то за?
Без тебя ни правды, ни света и не горят глаза.

А в твоих – простор, и речная гладь, и благая весть.
И не мне грехи твои вот так просто бы взять и взвесить,
И не мне дорогу выложить к поднебесью,
А седьмое небо и сейчас найти можно просто в песне.

А дорога к раю под ногами стелется, не боится,
Что тебе захочется стать не светом, не счастьем – птицей,
Шумным морем и быстрым ветром, а я слепая,
За твоим плечом поведу другую тропую к раю.

Лето – это – тихое – обними – меня

Брызгай весельем, солнцем, искрись улыбкой.
Каждый мой день – жизнь в ожидании чуда.
Я стала веткой – тонкой, цветущей, гибкой.
Мокрым асфальтом, я стала палящим югом.

Кеды на босу ногу и юбка в клетку.
Клетка моя из кирпича и стали.
Ты расскажи о свободе, пока я меркну
Солнцем, тем, по которому заскучили.

Ты расскажи мне о ветре в моих карманах,
И о кольце, что оберег на шее.
Этого мира мне бесконечно мало,
Хочется стать небом и стать смелее.

Хочется быть светом и быть удачей,
Звонко смеяться и танцевать не хмурясь.
Синим цветком в волосы, и дурачась,
Прямо сейчас петь о любви на улице.

Сердце моё бьётся с дождями в ритме,
Звёзды, лукавя, смотрят, как строю глазки,
Лето – это – тихое – обними – меня.

И после – в омут. Смело и без оглядки.

Засыпай, я здесь

Засыпай под мои молитвы, слова и взгляды.
Я ведь мысленно где-то здесь, и я где-то рядом.
Мне не страшно дарить улыбку свою прохожим,
Если каждый из них на тебя хоть чем-то похож, и

Мне не страшно казаться маленькой и несмелой,
Слишком резкой, едкой, навязчивой и упрямой.
Я давно позабыла, что бывает слепую вера,
А надежда уводит дорогу то влево, вправо.

И ни шагу назад, и ни шагу вперёд, на месте.
Я кажусь себе глупой девочкой на распутье.
Вроде 20 почти, и думают, что невеста.
А я дурочка, дурочка, слышите меня, люди?

Мне всегда 17, и ветер шуршит в карманах,
В волосах алеет лента, а сердце – громче.
Засыпай под мои молитвы. Молитвы мало?
Я могу для тебя стать самой огромной точкой.

Самой важной точкой на шаре земном, так просто...
На ладони грею ставшие пеплом звёзды.
Я могу и тебя отогреть, если станет надо.

Засыпай, я здесь, засыпай, я с тобою рядом.

Человек человеку – враг

Говорят, человек человеку волк,
Ты пытаешься отрицать.
Но когда я ступаю на твой порог,
Ты не хочешь меня впускать.

Хлоп, – и дверь на засов, смысла нет звонить
И просить хоть глоток воды.
Вроде нужно других как себя любить,
Что ж себя так не любишь ты?

Я сижу под дождем у твоих дверей,
Говоришь мне – пей этот дождь.
Ты сказал, человек – это царь зверей,
Но мне кажется, что ты врешь.

Мои пальцы не чувствуют даже боль,
Моим ступням не сделать шаг.
Ты был прав. Человек человеку волк?
Человек человеку – враг.

Я буду ждать

Я буду ждать тебя, помни. Год или даже два.
Пусть стрелки часов отмеряют сердечный пульс.
Я сплю в ожидании, даже дышу едва,
Но я обещаю.
Я точно тебя дождусь.

Пусть пальцы немеют, и голос давно охрип.
Пусть листья давно облетели в честь октябрю.
Я тихо шепчу, ты слышишь безмолвный крик.
Я громко молчу.
Я очень тебя люблю.

Детство

Боже, какое же это детство,
Верить в влюблённость с одной строки,
С взгляда, с касанья твоей руки,
Будто уже никуда не деться.

Письма читаю, и так светло...
Девочка пишет, как я скучаю.
Ты отвечаешь ей: «Я не знаю,
Как нас сумели сплести в одно».

Это письмо далеко и в прошлом.
Детство решило – пора взрослеть.
Во мне от тебя остаётся треть
Старой любви (а звучит так пошло).

Во мне от тебя остаются сны,
Что по ночам бередят мне душу.
Хочется верить, что тоже глушишь
Память с началом другой весны.

Я в небесах, когда было больно,
Ответы искала в твоих глазах.
Смотришь с насмешкой, и шах и мат.

В памяти – осень, подъезд, ладони.

Боже, наивной была ж когда-то,
Ждала, когда незачем было ждать.
Теперь повзрослела, живу на пять...

Только я помню все наши даты.

Наши маршруты, твоё «малыш»,
Больше никто так не звал ни разу,
Молчанье твоё, вязкой болью фразы,
Желанье взлететь вниз с высоких крыш.

Читаю стихи, свои письма – детство,
Влюблённость до мозга и до костей,
Желанье тебе подарить детей,
Жизнь и наивное своё сердце.

Тук-тук

Тук-тук. Открываю дверь. За порогом – ночь.
Ты стоишь, и звёзды на ладонях твоих, и струится дождь.
Улыбаешься, а на кончиках пальцев танцуют вальс
Тысячи маленьких чертенят. Я пою о нас.

Ты заходишь в дом и включаешь свет, и святой водой
Умываешь лицо, обнимаешь меня, а потом рукой
Убираешь прядь тёмных волос с лица.
Я дышу твоим воздухом, сердце моё, весна.

У камина садись, отопрею теплом своим.
Ты пришёл, потому что знал, что ты мной любим.
Чертенята на кончиках пальцев танцуют вальс.
Пока ты сладко спишь, я звёздам пою о нас.

Vivo per te

Тони, а я не знаю, зачем мне осень.
Октябрь к концу подходит, метут снега.
Я даже боюсь представить, что будет после.
Сложно поверить, что станет вдруг жизнь легка.
Что рассмеюсь, если придёшь без шапки
В жгучий мороз, кинешь в меня снежок.
Тони, мы на краю, улыбнись украдкой.
Мы ведь друг друга толком не бережём.

Пишу тебе /Vivo per te/
/Sei l'uomo dei miei sogni/
Отправить хочу в конверте,
Но адрес, увы, не вспомнить.

Тони, а я не знаю, к чему мне небо.
Смотреть, ежечасно видя твои глаза?
Горечь с тоской моё забирают время
И отправляют в прошлое поезда.
Сложно поверить, что сказка ещё вернётся,
Когда волшебство замечено мной одной.
Тони, мне очень больно, душе неймётся,
Ей так надоело за счастье платить мечтой.

Пишу тебе /Vivo per te/
/Sei l'uomo dei miei sogni/.
Отправить хочу в конверте,
Но адрес, увы, не вспомнить.

Но знай же, что ты в ответе,
За тех, кто тебя запомнил.

Седая душа

Молодость тоже теперь серебрит виски.
Честный не честен, верный – себе не верен.
Смотришь, и кажется, вы с ним сейчас близки,
Душу одну на двоих вам дарует время.

Вот он рисует тебе вензеля на коже,
Мягко целует ключицы и прядку волос,
И ты забываешь спитые наглые рожи,
Что за день тебе увидеть опять довелось.

Вот он встаёт, а ты, улыбнувшись робко,
Считаешь шрамы и родинки на спине.
В тебе треть от взрослого, большее – от ребёнка.
Ты любишь и счастлива, принадлежишь весне.

Ты ещё веришь, что всё это насовсем.

Проходит недели две. Ни звонка, ни строчки.
Абонент недоступен. Сеть на тебя плюёт.
Ты думаешь, если тебе говорил о дочке,
Свадьбе и долгой жизни, то он не врёт.

Ты думаешь, что любимые не изменят,

Что если поклялся – сдержит как будь здоров.
Но он не приходит. Становится всё больше,
Не можешь уже подобрать подходящих слов.

Пустырник с утра глушишь литрами в одиночку,
Помада твоя размазана по щекам.
Ты пишешь и пишешь, не в силах поставить точку,
И молишься вновь существующим всем богам.

Ты помнишь, как говорил тебе: «не отдам».

Проходит ещё неделя. Пуста квартира.
Пустырник не лечит, слёзы уже не в счёт.
Ты собираешь осколки немого мира,
Надеясь/не веря/, что, может, ещё придёт.

И пряди волос, что он целовал так нежно,
Стали седыми. Ребёнок в тебе – подход.
Теперь без труда снимаешь с себя одежду,
Уже не пытаешься найти не любви, ни толк.

Любимые предают, а потом уходят.
Седеет душа, и незачем вроде жить,
Но это твоя победа, в каком-то роде...
Погибшие раз, смогут сильнее быть.

И пусть в наше время верность уже не в моде,
Я научу прощать тебя и любить.

Третий не лишний

Третий не лишний, только если он плод двоих.
Счастье, любовь в одном маленьком человечке.
И кажется, будто гул голосов затих,
И радость, клубком свернувшись, сопит в сердечке.

Бьётся вселенная целая под рукой.
Ещё не родившись – стал маяком и солнцем.
Рядом лежит милый и дорогой,
Под сердцем – другой, ждёт, когда мать проснётся.

Было нас двое. Двое на всей Земле.
Улыбки и взгляды, общие сны, рассветы...
Теперь часть тебя тихо растёт во мне.
К животу приложи ладонь и жди ответа.

Третий не лишний, если он плод двоих.
Счастье, любовь... И всё в одном человечке.
И кажется, будто гул голосов затих,
И радость, клубком свернувшись, сопит в сердечке.

Снегурочка

Я пишу тебе пламенно, каждый день,
Голубей посылаю с конвертом в клюве.
Я устала взрослеть, понимаешь, Лель?
Мне и таять не страшно. Какое чудо
Ожидает холодную до души?

К сердцу нить – синим цветом рождает сказку.
Мне ветра повторяют – ты пережди
Это лето, лето переживи...
А мне жарко уже. Не от солнца – ласки.

Эти песни что-то затронут в
Моём сердце, только... Какие слезы?
Это что такое... Чуть-чуть воды?
Как ни глупо, но ты мне одно скажи,
Почему не замёрзнет оно в морозы?

Моя жизнь коротка, и к чему краса,
Если я не могу ни любить, не плакать?
С теплотою смотрит в мои глаза,
А я только умею, что тихо таять!

Капля – раз, капля – два... И так каждый день.

Я растаю – от солнца ли, от улыбки...
Для чего я здесь, объясни мне, Лель,
Я устала взрослеть.
Я хочу метель.
От тебя получить б открытку.

Пожелала б счастья я да любви,
Только вот не ведаю, что такое.
Ты как первый снег её береги,
Я опять голубей посылаю и...
Знаешь, я поняла чудеса любви:
Таю я. А горюем – оба.

Я пишу тебе пламенно, каждый день.
Голубей посылаю с конвертом к людям.

Я уже повзрослела, так больно, Лель...
И так радостно...
Пусть меня нет теперь,
Только он как и прежде любит.

Сумасшедший

У него на глазах расцветают цветами стены,
Он подходит к окну с детской наивной улыбкой.
Аккуратно коснувшись ладонью небесной сини,
Нарисует на коже ромашки и маргаритки.

Ему – сорок три, душе – года три, наверно...
Разговаривал с ветром, лаская его потоки,
Клялся небу всегда себе оставаться верным.
Он один из немногих, а мог бы – одним из многих.

Нежно глядя тёплые спины любимых далей,
Поёт солнцу песни, целуя его лучи.
Когда вы выросли, любили и предавали,
Он сердцу шептал:
«Пожалуйста, не молчи» ...

Ключи от добра хранил он большим секретом,
Чтоб никому не вздумалось их забрать.
Каждое утро носил на груди амулетом,
Каждый свой день складывал он в тетрадь.

Стены ему колыбельные напевали,
Звёзды сны навевали, чтоб крепче спалось.

Когда вы друзьям своим ножик в спины втыкали,
Когда вам влюбляться в своих же врагов довелось,

У него на глазах расцветали букетами стены,
Он день начинал светлой своей улыбкой.
Рисуя на коже ромашки и маргаритки,
Касался ладонью своей он небесной сини.

Вы говорите мне, что он сумасшедший,
Но он в тысячи раз добрее вас и сильнее.

Настоящей

Стоит быть настоящей, а значит, пора меняться
– Не девочкой быть: легкой, воздушной, милой;
Белые платица, юбочки, тонкие-тонкие пальцы...
А быть ярким солнцем, за которым и мира не видно.

Сменить окружение; на цветные одежды – свой серый
цвет,

Рюкзак за плечо и вперед, покоряя просторы.
Мне пора перестать чиркать всякий любовный бред.
Пусть ветер брызнет в лицо, под ногами струятся горы,

Крыши пусть манят удивительной высотой.
Дерзок мой первый шаг на дороге к вершинам.
Я могу разной быть: яркой, стервозной, плохой...
Главное, чтоб родные принимали меня и любили.

Я могу амулеты/круги на воде чертить,
Поить тебя приворотным, стихи на заклятья рвать.
Я – заклинатель жизни, стихов своих и стихий.
Я могу тебе в сотни раз больше, чем ты можешь предста-
вить дать.

Но, закрываю книги и выливаю зелье,

Надеваю кепку, беру рюкзак.

Пусть под ногами моими задышит зелень,

Пусть будет рядом друг мой и будет враг.

Пусть моё сердце стремится вперёд, к свободе,

К славе, к успеху (завистников не боюсь).

Я удаляю прошлое/память/номер.

Я улыбаюсь, танцую, звонко смеюсь.

Целую тех, кто мне нужен и тех, кто важен,

И мне не страшно, что кто-то послать не прочь.

Впереди, предо мной, горы, обвалы, башни...

А я распускаю косы, и наступает ночь.

Стоит быть настоящей, а значит, пора меняться.

Не девочкой быть: хрупкой, лёгкой, наивной;

Белые платица, юбочки, тонкие пальцы...

Ведь я – яркое солнце,

За которым и мира не видно.

Ревнуй его

Ревнуй его ко мне, давай, ревнуй.
Ты думаешь, что он меня оставит?
Мы друг за друга больше чем горой,
Он жизни без меня не представляет.

Он – верный друг, и я верна ему:
Больному, злomu, всё равно какому,
Когда звонит мне пьяным он в бреду,
Я за него не каменной стеною

– Я за него измерю круги ада,
Он боль мою ладонями утешит.
Ревнуй его, глупышка, если надо,
Ревнуй его, он мне печали лечит.

И если хочешь потерять – ругайся,
И истерить ты можешь, сколько влезет...
Но только после ты не обижайся,
Ведь я предупреждала. В каждой песне

Он красной нитью, чьим-то Дон Кихотом,
Он – моё лето зим так пять назад,
Он мои лестницы, обрывы, переходы

И брошенный случайно нежный взгляд.

Он – солнце, потемневшее в кладовке,
Кольцо на безымянном, мой уют,
Он стих, пылящийся на моей полке
И он из тех, что точно не уйдут.

И пусть нас разделяют километры,
Я за его спиной спасусь от пуль.
Не нужно, девочка, считать меж нами метры.
А, впрочем, ревнуй, девочка, ревнуй.
Весь мир для тебя
И пусть другая греет твои ладони,
Мои молитвы небу – о твоём счастье.
Я в свою зиму двери закрою, окна,
Чтобы не слышать чужого такого «здравствуй».

Ветер сметает с полок моих письма,
Стихи и чувства дышат уже на ладан,
А я повторяю: во веки веков и присно...
Я отпущу, если так сильно надо.

Я отпущу, чтобы не возвращался.
Боль гостей в мой дом спокойно пить чай приходит.
Ты уходил – и стержень внутри ломался.
Ты возвращался... Только всё так же больно.

Я лишь об одном прошу всех богов или бога:
Счастья тебе. Себе я прошу – забвенья.
Я наконец-то твоё приняла решение.
Хочешь – иди, весь мир для тебя дорога.

Только в пути вспоминай не меня улыбкой,
Помни как можно реже, не возвращайся.
Если всё наше было твоей ошибкой...
Боль остаётся мне. С тобой остаётся – счастье.

Ты – мой дом

В этих руках не страшны ни потоп, ни мор,

Засуха, мир – будь выжженною пустыней

– Станет цветущим садом. Ведь ты – мой дом:

Руки родные, взгляд, дорогое имя.

Сила спокойствию – голоса тихий звук.

Всё образуется. От напастей любых излечена

Словом твоим, теплом долгожданных рук,

И, кажется, будто небом сердца повенчаны.

Будь моей крепостью. А я твоей буду женщиной.

Латунный крестик

Мне тебя мало. С каждым прошедшим днём
Я привыкаю сильнее к твоим объятьям.
Вместо привычных джинсов – простое платье.
Всё, что с другими – кажется просто сном.

Мне тебя мало: голоса, взгляда, рук.
Времени, что проводим с тобою вместе.
Ты на груди своей носишь латунный крестик,
Я – ворожу против горести и разлук.

Будь со мной, слышишь, пожалуйста, просто будь.
Помни мой номер, рост, как ладонь в ладони...
Стань моим счастьем, нежностью, страстью, болью.
Я выбираю путь на двоих, наш путь.

Доброе утро

Доброе утро, мой светлый, отважный, добрый.
Солнышко бьётся улыбками там, за шторкой.
Каждый свой лучик тебе по секрету дарит.
А ты сбереги его в сердце своём на память.

Доброе утро, мятежный. Вставай скорее.
Не важно, какая погода и день недели.
Смотри, это я стучу кулачком в окошко,
Давай, открывай и мне протяни ладошку.

Точнее – ладонь, ты мой богатырь и сила,
И я о таком матерь-землю просила.
Иди умываться, потом накормлю блинами,
Что так и желают в рот тебе прыгнуть сами.

Пою о тебе, моё сердце, и не жалею.
С тобою беду любую я одолею.

Доброе утро, мой милый. Не будь капризой,
Вставай поскорее, счастье уже так близко.